

жить ему источником, но не приходится и отрицать, что он знал или ее, или о сообщаемых в ней событиях [26, С. 6; 27, с. 186–187]. Во всяком случае, хотя и нет прямых данных, что П. Дусбург учитывает поход ливонских крестоносцев на замок Миндовга, как альтернативу это можно допустить. В таком случае район Шальчининкай пришлось бы исключить из ареала, где бы следовало искать данный замок.

9. **Заключение.** При фрагментарном определении контуров „земли Литовской” и Нальши пока невозможно установить, входили в состав последней упоминаемые в более поздних источниках Гольшанское и Свирское княжества или нет. Но этот открытый вопрос, как и ряд других, не мешает сделать выводы:

1. Гипотеза Г. Ловмянского оправдывает себя.
2. „Литва Миндовга” находилась на юге Литвы.
3. „Литва Миндовга” находилась в „Литовской земле” в узком смысле слова — территории коренного литовского племени, связываемого с южнолитовским ареалом культуры штрихованной керамики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. — М.: Изд-во АН СССР, 1959.
2. Lietuvos TSR istorija. — V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1957, t. 1.
3. Lowmiański H. Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. — Wilno, 1932, t. 2.
4. Paszkiewicz H. Jagiellonowie a Moskwa. — Warszawa, 1933, t. 1.
5. ПСРЛ — СПб., 1908, т. 2.
6. Псковские летописи. — М., 1955, вып. 2.
7. Bunge F. G. v. Liv., Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. — Reval, 1855, B. 1.
8. Preussisches Urkundenbuch. — Königsberg, 1909, B. 1, Lief. 2.
9. Batūra R. Lietuva tautų kovoje prieš Aukso ordą. — V.: Mintis, 1975.
10. ПСРЛ — СПб., 1841, т. 3.
11. Būga K. Rinktiniai raštai. — V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidyka, 1961, t. 3.
12. Спрогис И. Я. Географический словарь древней жомойтской земли XVI столетия, составленный по 40 актовым книгам россеннского земского суда. — Вильна: Б. и., 1888.
13. Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. — V.: Mintis, 1970.
14. Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas. — V.: S. n., 1974.
15. Мажюлис В. П. О связях литовско-латышского с другими древнебалтийскими диалектами. — В кн.: ПЭБ. Вильнюс, 1981.
16. Bielenstein A. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. — SPb., 1892.
17. Scriptores rerum prussicarum. — Leipzig, 1863, Bd. 2.
18. Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.: В 2-х ч. — М.: Изд-во АН СССР, 1953, ч. 1.
19. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. — М.—Л., 1938.
20. Chudzinski E. Die Eroberung Kurlands durch den Deutschen Orden im 13. Jahrhundert. — Borna—Leipzig, 1917.
21. Mažoji lietuviškoji tarybinė enciklopedija. — V.: Mintis, 1968, t. 2.
22. Senās Latvijas vēstures avoti. Sēj. 2, burtn. 1. — Rīgā, 1937.
23. Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. — V.: Mintis, 1966.
24. Lietuvos materialinė kultūra IX—XIII amžiuje. — V.: Mokslas, 1977, t. 1.

25. LAA. — V.: Mokslas, 1977, t. 3.

26. Scriptores rerum prussicarum. — Leipzig, 1861, Bd 1.

27. Pollakówna M. Kronika Piotra z Dusburga. — Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968.

28. Livländische Reimchronik. — Paderborn, 1876.

LITAUEN MINDOWES

E. Gudavičius

Zusammenfassung

Beim Identifizieren des Landes Litauen im engen Sinne, womit auch die Frage des Fürstentums Mindowes verbunden ist, können wir uns auch heute auf keine konstruktivere Konzeption als die Hypothese von H. Lowmiański stützen, welche dieses Land zwischen die Neris und den Mittelstrom von Nemunas sowie das Land Nalšia in die heutigen Bezirke von Švenčionys, Ignalina und Molėtai legt. Aber die Quellen, welche zu dieser Schlussfolgerung geführt haben, bieten nur eine unbestrittene Tatsache vor: Nalšia lag irgendwo nördlicher als das Land Litauen. Gibt es noch irgendwelche Information darüber in den Quellen?

Im 13. Jahrhundert gab es ein Land Neris an dem Niederstrom des gleichnamigen Flusses. Das erlaubt zu sagen, dass der Raum westlich von Deltuva (dem heutigen Bezirk von Ukmergė) nicht an Nalšia gehörte, und bestätigt die Behauptung H. Lowmiański's. Die Bulle Gregors IX. (1234) begrenzt die Zone des Vordringens der Livländer mit der Neris, Somit deutet er an, dass südlich von diesem Flusse eine stärkere Macht lag.

Im Winterkrieg 1251 bis 1252 stieß das Heer von Halič auf einen starken Widerstand der Litauer, konnte nur mit der Rücksicht auf seine Hinterstützpunkte auftreten und keinesfalls in die Tiefe des Feindlandes eindringen. Es hat Grodno genommen und danach „das Patrimonium des Landes” von Mindowe verwüstet.

Die aufgezählten Angaben zeigen, dass Mindowes Fürstentum im Südlitauen lag. Die Hypothese von H. Lowmiański besteht die Prüfung der Zeit.

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ОСНОВНЫХ ТИПОВ КРЕСТЬЯНСКОГО ЖИЛИЩА В ПРИБАЛТИКЕ

Э. Тыниссон (Таллин)

Этнографами в восточной Прибалтике выделены три основных типа крестьянского жилища — восточный (курная изба), западный (жилище с *ровисом* или *каминасом*) и северный (жилая рига) [1, с. 347–359]. Первый тип был распространен (рис. 1) в восточной и центральной Литве, а также в восточной Латвии и юго-восточной Эстонии. Областью распространения второго типа были, кроме западной части территории Литвы, западные и центральные районы Латвии. Третий тип получил распространение в Эстонии и северной Латвии. Жилища первого и второго типов можно было встретить и вне пределов их основного ареала.

Основными критериями выделения этих типов этнографы считают способы обогрева жилья и приготовления пищи (т. е. форму очагов и печей), а также внутреннюю планировку построек.

Жилые постройки Прибалтики известны этнографам главным образом по данным XIX—XX вв., когда они, как правило, отличались сложной внутренней планировкой и состояли из многих помещений. Но местами сохранились и более простые формы планировки (рис. 2).

Основой жилищ всех типов являлась состоящая из двух частей срубная постройка. В западном типе к жилой комнате примыкало помещение с очагом для приготовления пищи (рис. 2:1). В восточном типе к отоп-

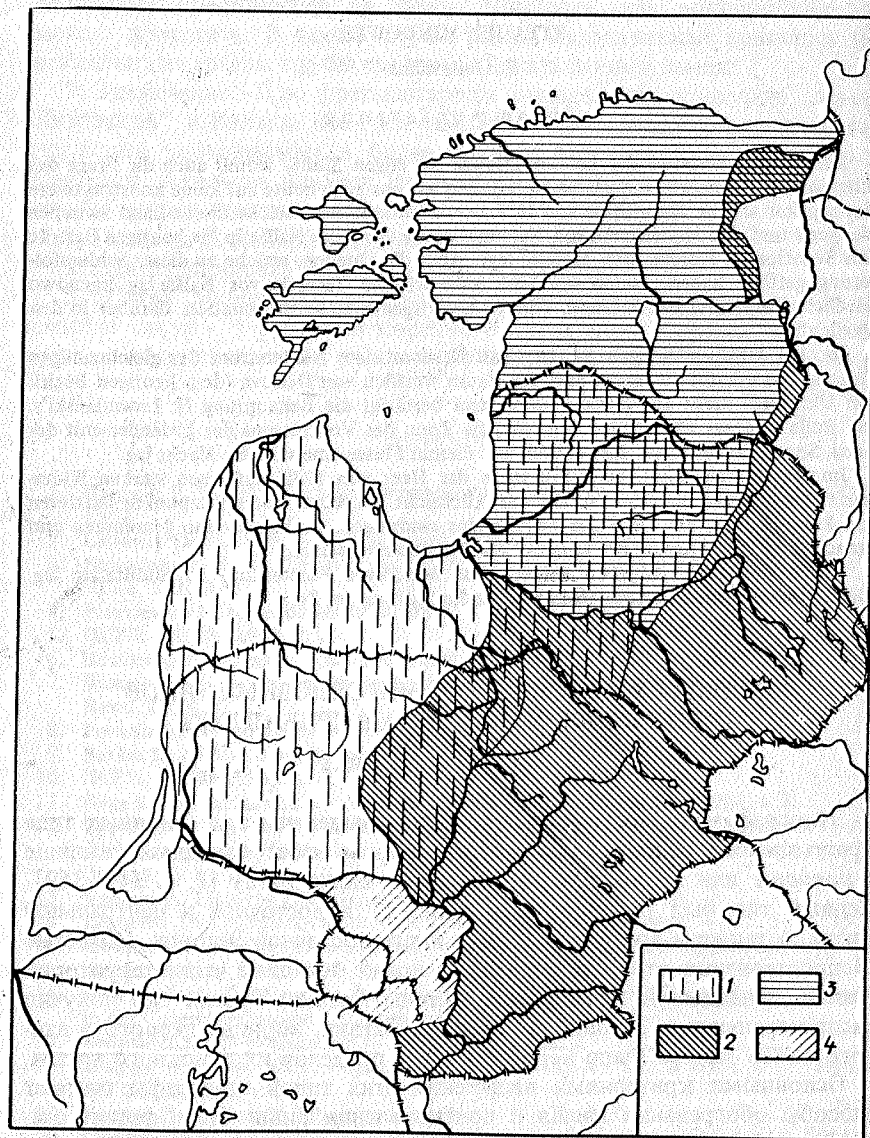

Рис. 1. Распространение основных типов крестьянского жилища в Прибалтике: 1 – западный тип (жилище с ровисом или с каминасом); 2 – восточный тип (курная изба), 3 – северный тип (жилая рига), 4 – занеманский дом. (На основании карты, опубликованной в статье: Терентьева Л. Н. Основные итоги изучения крестьянского жилища народов Прибалтики. – В кн.: Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. I. М., 1959.)

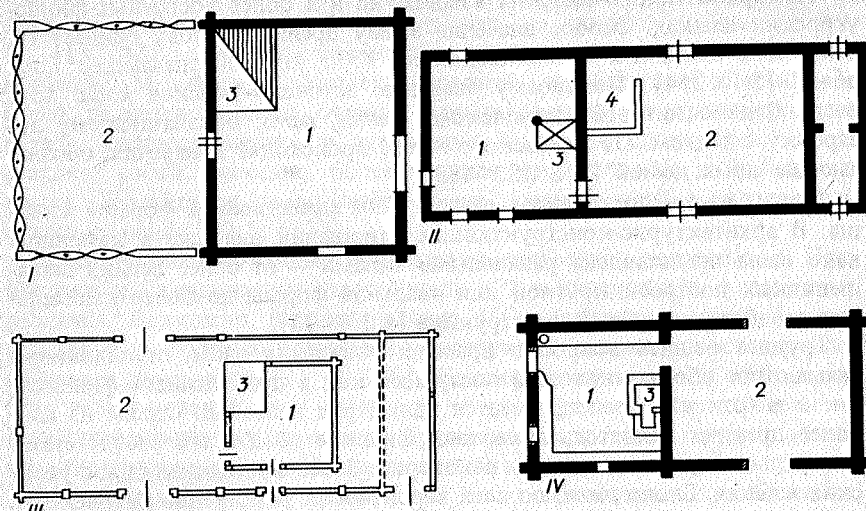

Рис. 2. Схемы планировки основных типов крестьянского жилища Прибалтики: I – восточный тип (1 – изба, 2 – сени, 3 – печь), II – западный тип (1 – изба, 2 – кухня, 3 – печь, 4 – очаг), III – жилая рига северозападного варианта (1 – собственно рига, 2 – гумно, 3 – печь), IV – жилая рига южноэстонского-северолатвийского варианта (1 – собственно рига, 2 – гумно, 3 – печь). (I–III – по книге: R ä n k G. Die Bauernhausformen im baltischen Raum. – Marburger Ostforschungen. Würzburg, 1962, Bd. 17; IV – по статье: Крастьян А. Жилища крестьян в Видземе в первой половине XIX в. – В кн.: Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. М., 1959, т. 1)

ливаемой печью комнате присоединялось неотапливаемое помещение – сени (рис. 2). Жилая рига состояла из используемого под хлебо-сушильную жилого помещения – собственно риги – и гумна. По исходной планировке жилая рига распадается на два варианта: I – распространен в большей части Эстонии – меньший по размерам сруб риги построен внутри сруба гумна (рис. 2:III); II – известен на юге Эстонии и в северной Латвии, – рига и гумно одинаковой ширины и высоты, расположены рядом (рис. 2:IV).

По поводу происхождения типов прибалтийского крестьянского жилища высказывались различные предположения. Содержание многих из них сводится к тому, что формирование этих типов началось еще до XIII в. Поэтому значительный интерес представляет археологический материал, накопленный, в частности, в последние десятилетия в результате раскопок поселений и городищ конца I–первых веков II тысячелетия н. э.

Археологические и лингвистические данные свидетельствуют, что наиболее древним типом жилища в Прибалтике, как и на соседних территориях, была постройка с очагом. Она являлась наследием культуры каменного века. Характерно, что эстонско-финское название этой древней постройки *koda, kota* имеет соответствие не только в

других прибалтийско-финских языках, но и в более восточных финно-угорских языках. Особое значение этому древнему слову придает то, что с ним связано и эстонско-финское *kodu, koti*, обозначающее 'дом, дома' [2, s. 224]. По своему значению эстонско-финское *koda, kota* очень близко литовско-латышскому *namas, nams*, обозначающему постройку с очагом. От литовского *namas* происходят и наречия, обозначающие 'дома, домой' [3, S. 482–483].

Долгое время постройка с очагом была единственной формой жилища. В архитектурно-конструктивном отношении она уже в каменном веке была представлена различными типами — от более легких шалашевидных построек круглой или овальной формы до более капитальных столбово-каркасной конструкции [4, l. 7–23].

Труднее решить вопрос о времени появления избы, отапливаемой печью. Для обозначения этой постройки как в прибалтийско-финских, так и в балтских языках имеется целый ряд названий. Одним из наиболее древних является, возможно, финское *pirtti* и его соответствия в карельском, вепском и в некоторых более восточных финно-угорских языках. Слово *pirtti*, по всей вероятности, родственно литовскому названию *pirtis* и латышскому *pirts* 'баня'. В Финляндии *pirtti* обозначает не только 'жилой дом', но и 'баня' [5, S. 88]. Возможно, с *pirtis, pirts* связано и восточно-литовское название избы *pirkia* [3, S. 595–596]. С другой стороны, высказано предположение, что *pirtti* заимствовано от русского названия карельской крестьянской избы *пёрть* [2, s. 576], которое, в свою очередь, связано с древнерусским *пьерть* 'баня' [6, с. 245, 246]. Балтское происхождение *pirti* кажется все же более правдоподобным [7, l. 46]. В то же время древнерусское *пьерть* само, очевидно, родственно литовско-латышским *pirtis, pirts* и является, возможно, остатком от более древних наслоений славянских языков, которые были, как известно, тесно связаны с древнебалтскими диалектами.

Слово *pirtti* в эстонском, ливском и водском языках отсутствует. Можно предполагать, что оно не сохранилось в данных языках, однако это также может указывать на какие-то различия между постройками северных и южных прибалтийско-финских племен.

Древним названием отапливаемого печью помещения являются также эстонско-финские *saun, sauna*, имеющие аналоги в других прибалтийско-финских языках, кроме вепского [8, s. 983]. Основное значение этих слов — 'баня'. Но они широко используются и в значении 'небольшой жилой дом', что может указывать на функциональную связь бани с жилищем. Самым же распространенным названием помещения с печью в прибалтийско-финских языках являются эстонское *tuba*, финское *tupa* и их соответствия в родственных языках. По значению *tuba* соответствует латышскому *istaba*, русскому *изба*. Слова *tuba, tupa* являются заимствованиями из древнегерманского [5, S. 557]. Слово *изба* имеет аналоги в других славянских языках. По мнению известного слависта М. Фасмера, слово *изба* может быть заимствовано или из древнегерманского (*stuba*), или из романских (латинского)

языков (*extufa*) [6, с. 120, 121]. Имеется предположение, что германские слова *stuba, stube* произошли из романских языков [9, S. 412–416]. Предполагаемое происхождение слова *изба* от *тонить, истопить* М. Фасмер считает народной этимологией. Латышское *istaba* является, в свою очередь, заимствованием от древнерусского *исрѣба*. Распространенное в литовском Занеманье слово *stuba* представляет собой, очевидно, более позднее заимствование из немецкого языка. Жемайтское слово *troba* имеет древние связи с индоевропейскими языками [10, S. 1127].

Археологические данные показывают, что между постройками Прибалтики и Скандинавии существовали в I тысячелетии н. э. заметные различия. Возможно, распространение в Скандинавии с конца I тысячелетия н. э. постройки срубной конструкции связано с восточноевропейскими влияниями [11, S. 378]. Непонятными остаются обстоятельства заимствования слов *tuba, tupa* и их широкое распространение в прибалтийско-финских языках. Археологически также трудно объяснить германское происхождение слов *изба* и *istaba*.

Можно полагать, что слово *pirtti* было заимствовано из балтских языков в первой половине или середине I тысячелетия н. э., в период распространения срубных построек в Прибалтике. Их остатки обнаружены в некоторых поселениях Латвии [12, l. 126]. По-видимому, к первой половине I тысячелетия н. э. относится и основание одной срубной постройки, изученное на городище Койла в северо-восточной Эстонии [13, рис. 48]. В этот период прослеживается проникновение многих явлений, характерных для культуры балтских племен, в северную Прибалтику и Финляндию, что сопровождалось, по всей вероятности, и языковыми заимствованиями. Слово *pirtti* и его соответствия в других языках могут по крайней мере свидетельствовать о том, что срубные постройки у балтских и прибалтийско-финских племен имеют общие корни.

Археологические данные свидетельствуют о том, что многие жилища срубной конструкции были еще с открытым очагом. Можно все же полагать, что появление печи связано прежде всего с распространением срубных построек. Все имеющиеся данные свидетельствуют о том, что древнейшим типом печи в жилищах Прибалтики и соседней восточной территории были печи-каменки. Они хорошо известны из раскопок многих поселений второй половины I—первых веков II тысячелетия. Не исключена возможность, что им предшествовали печи более примитивной формы, которые трудно отличить от сложенных из камней открытых очагов [7, l. 45]. Весьма вероятно, что от них ведут свое происхождение печи-каменки. Финское название печи-каменки *kiuas* и его соответствия в карельском, вепском и саамском языках связано со словом *kivi* 'камень' [14, s. 202]. Аналогично и происхождение русского *каменка* от *камень*. Этимология эстонского названия каменки *keris* и ливского *kerikš* пока еще не выяснена. Возможно, первоначально слово *keris* могло обозначать 'нагретые на очаге камни'. Сложенные из камней очаги известны уже на поселениях каменного века.

Вполне вероятно, что в этом древнем смысле эстонское *keris* имеет родство с названием каменной печи в некоторых более восточных финно-угорских языках (коми *gor*, удмуртский *gur*) [15, S. 304]. Литовское слово *krosnis* и латышское *krāsns* этимологически связаны со словом *krauti*, латышское *krāsmata* обозначает кучу или развал камней [3, S. 301, 302; 16, p. 203].

Можно думать, что формирование избы — срубной постройки с печью-каменкой началось в Прибалтике вместе с распространением слова *pirtti* в прибалтийско-финских языках с первой половины I тысячелетия н. э. Это был период значительного подъема земледельческого уклада в жизни здешних племен.

Главной функцией печи-каменки было отапливание жилища. Основным же местом приготовления пищи оставался очаг. Поэтому в Прибалтике и после появления жилищ типа избы сохранились постройки с очагом.

Развитие прибалтийской избы в конце I—первых веках II тысячелетия связано с усовершенствованием печей. В этот период в Прибалтике, прежде всего на территории Латвии и Литвы, для отопления и приготовления пищи стали применяться глухие печи с глинобитным сводом, иногда на каменном основании. Археологических находок, в частности керамики, около них больше, чем у печей-каменок [17, l. 86]. Одной из функций печи с глинобитным сводом стала в начале II тысячелетия выпечка квасного ржаного хлеба. Как известно, именно в этот период широко распространяется выращивание озимой ржи.

Можно предположить, что печи с глинобитным сводом имели глубокие корни в местной балтской культуре. В этой связи особый интерес представляют своеобразные очаги, исследованные Я. В. Станкевич на городищах первой половины I тысячелетия н. э. на территории Верхнего Подвинья. Для этих очагов, часто подковообразной формы, характерно наличие песчаного пода, окруженного глинобитным бортиком [18, с. 49, 50, 51, табл. 1 и др.]. Судя по найденным около этих очагов керамике, костям животных и различным бытовым предметам, очаги здесь использовались в основном для приготовления пищи. Эта функция подтверждается тем, что в бортиках очагов нередко прослеживаются отверстия от небольших жердей или прутьев, служивших, по всей вероятности, для подвешивания посуды над огнем. Подобные очаги известны и на соседней территории — распространения городищ дьяковской культуры [18, с. 81], где в общем доминировали сложенные из камней очаги. Очаги с глинобитным бортиком, датированные первой половиной I тысячелетия н. э., обнаружены и на восточнолитовском городище Неменчине [19, раv. 5].

Очаги с глинобитным бортиком сыграли, можно полагать, определенную роль в возникновении печей с глинобитным сводом, тем более, что подобные печи были распространены уже одновременно с этими очагами. Иногда их обнаруживали даже в одной и той же постройке. Правда, по утверждению Я. В. Станкевич, упомянутые печи служили железоплавильными горнами [18, с. 49]. Но они могли оказать влия-

ние на возникновение обыкновенных печей с глинобитным сводом.

Прибалтийские печи с глинобитным сводом указывают на связь с территорией, на которой жили славяне и где печи подобного типа хорошо известны уже с VI—VII вв. [20, с. 146, рис. 48]. Существование этих связей подтверждается общностью названий печи в балтских и славянских языках. Русское *печь*, имеющее соответствия в других славянских языках, и заимствованное от него литовское *pečius* связано с глаголом *peč*, происходящим от старославянского *пекъ* [6, с. 256, 257]. Глухие глиняные печи можно по существу рассматривать как общее для балтских и славянских племен культурное явление.

На территории Эстонии единичные печи с глинобитным сводом (рис. 3) известны лишь на юго-востоке из поселения Рыуге [7, l. 52], материал которого указывает на тесные связи с населением территории Латвии. Остатки одной-двух подобных печей начала II тысячелетия н. э. найдены в Финляндии. Известный финский этнограф К. Вилкуна счи-

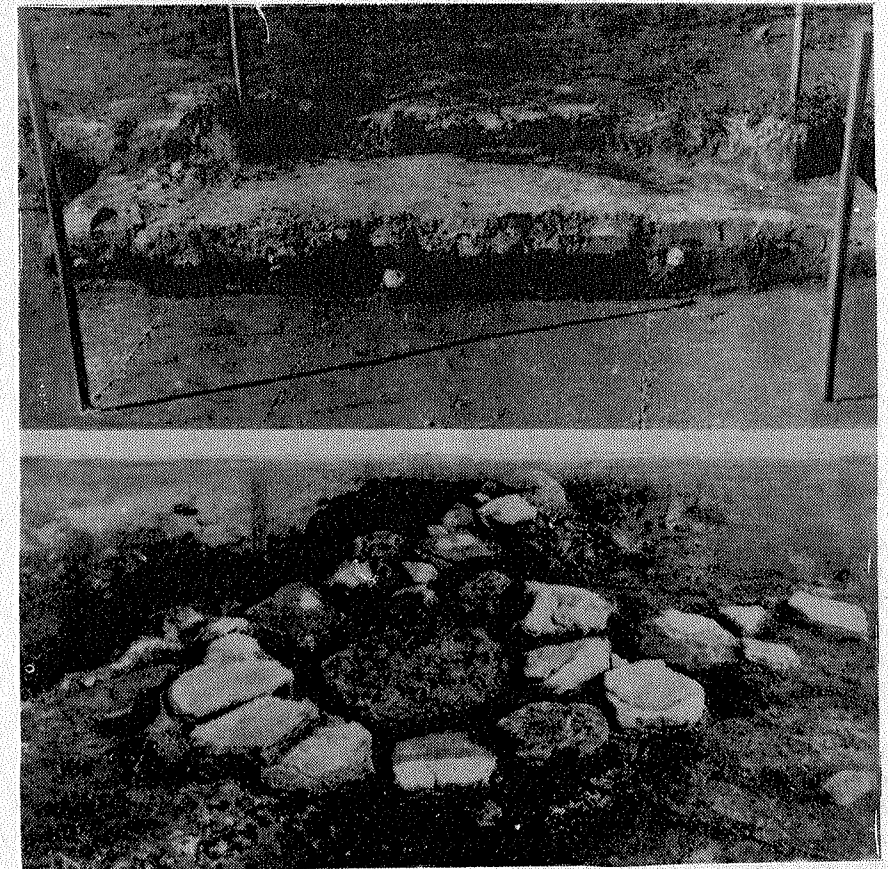

Рис. 3. Остатки печи из поселения Рыуге юго-восточной Эстонии: глиняный свод (наверху) и каменное основание (внизу) одной и той же печи

тал такие печи прототипом специальных хлебопекарных печей, расположенных вне жилищ на дворе [21, с. 250–276]. Он связывал с этими печами появление эст. *päts*, финск. *pätsi* и др., которые обыкновенно считаются заимствованиями из русского (*печь*).

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в начале II тысячелетия печи с глинобитным сводом в Прибалтике, на славянской территории и, очевидно, в Финляндии выполняли не только хлебопекарную функцию. Нет оснований полагать, что они находились вне построек на дворе. Известные из западной Финляндии этнографические печи на дворе (*ulkouuni, mäkiuuni, pätti*) [5, S. 308], а также эстонское *päts* вряд ли ведут свое происхождение от печей начала II тысячелетия. К тому же имеется некоторое сомнение, что *päts* вообще заимствовано из русского языка [7, l. 53; 22, l. 37–41]. В первых веках II тысячелетия, т. е. в период, когда могло произойти заимствование *päts, pätsi* из русского языка, не только в Эстонии, но и на соседней северорусской территории доминировали печи-каменки [20, рис. 51, 52, 57]. Более того, в первых веках II тысячелетия ареал этих печей местами даже расширился. Напр., в культурных отложениях Изборска VIII–IX вв. доминировали печи с глинобитным сводом, в более поздних отложениях – печи-каменки [23, с. 68].

Хорошее представление об усовершенствовании и увеличении размеров печей-каменок дают произведенные за последние десятилетия исследования городищ и поселений западной и северной Эстонии. Поды печей были подмощены, как правило, одной-двумя известняковыми плитами, а боковые части состояли из валунных камней или известняковых плит. Иногда стены печей были двойными. Печи имели более четко выраженную четырехугольную форму и были длиной, как правило, в пределах 1,3–1,5, шириной 0,9–1 м. На городище Варбола исследован ряд более крупных печей (рис. 4), которые по своим размерам были уже близки к этнографическим печам жилой риги [7, l. 48–50].

Появление более крупных и усовершенствованных печей-каменок связано, очевидно, с тем, что они стали выполнять хлебопекарную функцию. По всей вероятности, с первых веков II тысячелетия они стали служить и для сушки снопового хлеба. Печи-каменки остались в Эстонии основным типом печей не только в банях, но и в жилых ригах. Имеются данные более позднего времени, что на каменке готовилась пища [24, l. 40, 41]. Основным местом для приготовления пищи был очаг перед устьем печи, который прослеживается в Эстонии уже в начале II тысячелетия [7, l. 54, 55].

По характеру печей прибалтийскую избу первых веков II тысячелетия можно разделить на два типа: I – с глухой печью с глинобитным сводом (на юге Прибалтики) и II – с каменной печью (на севере). Между ними не было строго определенной границы. На территории Латвии прослеживается их одновременное сосуществование на одном и том же поселении [17, l. 76–97].

В первых веках II тысячелетия еще изредка встречалась архаичная

схема внутренней планировки с печью посередине постройки. Более характерным стало все же угловое положение печи. В постройках южноэстонского городища Лыхавере печь находилась в переднем от двери углу с устьем, повернутым к входу [25, с. 75]. Подобная схема внутренней планировки хорошо известна не только по этнографическим постройкам Прибалтики, но и на соседней восточной территории [26, с. 235, рис. 51]. В начале II тысячелетия существовали и другие схемы планировки. В жилищах западноэстонского городища Варбола печь находилась, вероятно, в дальнем от входа углу.

Эволюция прибалтийского крестьянского жилища, начиная с первых веков II тысячелетия, во многом зависела от взаимоотношений избы с постройками типа *koda, namas*. Предпосылки для возникновения

Рис. 4. Основание печи из городища Варбола западной Эстонии с валунным камнем в задней стенке; боковые стены и под заложены из плитняковых камней. У устья печи предполагаемое место очага

западного типа жилища имелись прежде всего в тех районах, где постройки с очагом продолжали играть значительную роль и после появления избы. Судя по данным, опубликованным латвийскими археологами, в первых веках II тысячелетия постройки с очагом доминировали в некоторых поселениях на территории даугавских ливов [12, л. 261]. В Жемайтии постройка с очагом — *намас* (*namas, numas*) была основным типом жилища приблизительно до XVI в. [27, с. 401; 28, р. 142]. Лишь позже она стала терять свое значение, превращаясь постепенно в хозяйственную постройку. Развитие *намаса* напоминает эволюцию постройки с очагом — *кода* — в Эстонии. В первых веках II тысячелетия она существовала как жилище. В XVIII—XIX вв. ее функции значительно сузились; она использовалась как летняя кухня, но сохранила древнее название *koda* (*suvekoda*).

Для нашей темы важна другая линия развития постройки с очагом, а именно как компонента этнографического жилища западного типа, формирование которого по существу сводилось к соединению под одной крышей избы и постройки с очагом. Можно предполагать, что это соединение началось уже в первых веках II тысячелетия. Остатки подобных соединенных построек обнаружены в культурных отложениях древней Риги [29, л. 26]. Возможно, такие постройки существовали в начале II тысячелетия и в ливском поселении Лаукскола [17, л. 87], а также в некоторых других поселениях и на городищах Латвии.

Возможно, следы построек такой планировки имеются на городище Лыхавере (рис. 5). Слово *koda* обозначает, как и *namas, nams*, не только самостоятельную постройку, но и присоединенную к основному помещению переднюю часть жилища [30, л. 126—128]. Местами название *koda* перешло также на одну часть жилой риги — гумно. Особого внимания заслуживают сведения, что в гумне находился очаг [31, С. 114]. Все эти данные могут быть свидетельством того, что постройки, возникшие путем соединения двух типов избы — *tuba* и *koda*, были распространены на территории Эстонии до появления здесь жилой риги [31, С. 111, 114]. Следует отметить, что в этих древних постройках устье печи находилось в избе, чем они и отличались от более поздних жилищ западного типа, печь которых топилась со стороны *namas, nams*.

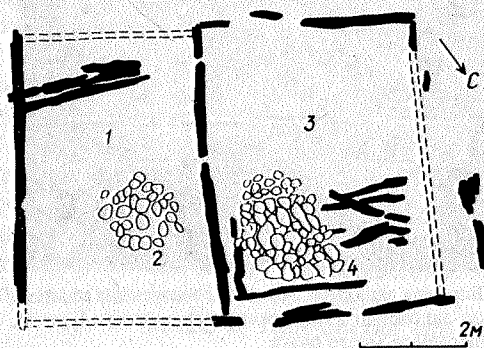
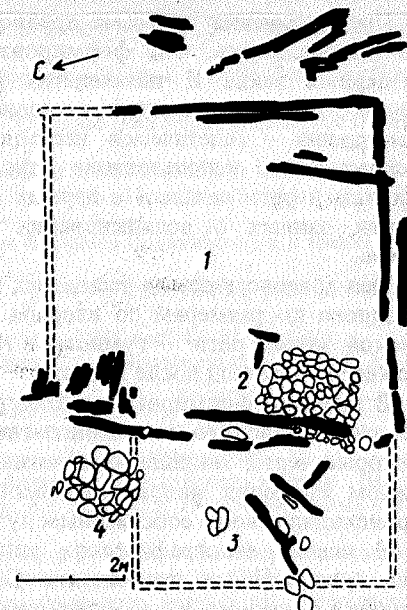

Рис. 5. Основание жилища из городища Лыхавере южной Эстонии: 1 — помещение с очагом, 2 — сложенный из камней очаг, 3 — помещение с печью, 4 — развал печи с каменкой

Рис. 6. Основание жилища из городища Лыхавере южной Эстонии: 1 — помещение с печью, 2 — развал печи с каменкой, 3 — предполагаемые сени, 4 — каменный настил перед входом в сени

Эта перемена в планировке произошла с XVI в. Но более древний вариант сохранился в жилищах бывшего шведского населения в Эстонии [31, С. 57]. Возможно, от древней формы жилища произошли западноэстонские этнографические постройки, в которых соединены баня и летняя кухня — *koda*.

Восточный тип — курная изба — формировался в районах, в которых печь с самого начала стала основным местом приготовления пищи. Пища также приготавливалась на небольшом очаге перед устьем печи. Подобный очаг — ошосток — этнографам известен и с соседней с Прибалтикой русской территории [32, с. 26, рис. 28]. Можно предполагать, что на севернорусской территории очаг перед устьем печи перенят у культуры древнего прибалтийско-финского населения тех мест. Ареал очага связывается с территорией, на которой формированию характерной для восточноевропейской курной избы русской печи на деревянной опечке предшествовали печи-каменки. Отметим, что существование очага перед устьем печей обнаружено в Старой Ладоге [33, с. 21, 22]. В отличие от жилых построек западного типа в жилищах восточного типа помещение, присоединенное к избе, — сени — не имело очага. Местами существовали постройки, состоявшие лишь из одной избы. Вопрос о происхождении сеней является спорным [34, с. 97—106 и др.]. Само русское слово *сени, сень*, имеющее аналоги в других славянских языках, указывает на их древность. Неотапливаемые помещения известны у древнерусских жилищ начала II тысячелетия [20, с. 143]. Следы существования неотапливаемой пристройки обнаружены и у жилищ первых веков II тысячелетия, например, на южноэстонском городище Лыхавере (рис. 6) [25, с. 75]. Типичная курная изба формировалась вместе с появлением так наз. русской печи.

Предположения о весьма древнем происхождении жилой риги пока не подтвердились. Она формировалась в той части Прибалтики, где в первых веках II тысячелетия распространилась изба с каменной печью. Один из основных компонентов жилой риги — отапливаемое помещение — генетически несомненно связан с этой древней избой. Вероятно, что использование одной и той же постройки в качестве жилища и риги началось с первых веков II тысячелетия. У нас нет никаких данных о возникновении специальных построек для сушки хлеба.

При археологических раскопках не обнаружено остатков помещения, сходного по размерам со вторым основным компонентом этнографической жилой риги — гумном — *rehealune*. По всей вероятности, оно возникло в период после XIII в.

В процессе формирования этнографической жилой риги, в частности ее южноэстонского и севернolatвийского вариантов, соединились некоторые черты жилища как западного, так и восточного типа. Но целиком эволюция жилой риги, особенно ее северозэстонского варианта, происходила своим собственным путем.

В основе этнографических типов прибалтийского жилища лежат два существенных компонента. Более древним из них является постройка с очагом; в ней сочетались черты, отражающие весьма древние культурные связи с соседним населением Восточной и Северной Европы. Второй компонент — отапливаемая печью изба — формировался в условиях взаимных культурных связей населения Прибалтики с западными и восточными славянами, а также с германским населением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Терентьева Л. Н. Основные итоги изучения жилища народов Прибалтики. — В кн.: ТПОКЭ. М., 1959, т. 1.
2. Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J. Suomen kielen etymologinen sanakirja II. — Lexica Societatis Fenno-Ugricae XII, 2. Helsinki, 1958.
3. Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg—Göttingen, 1962, Bd. 1.
4. Loze I. Neolita eltnu vietas Austrumbaltijā. — AE, 1978, Nr. 12.
5. Valonen N. Zur Geschichte der finnischen Wohnstuben. — Suomalais ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1963, 133.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка/Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М.: Наука, 1971, т. 3.
7. Tõnisson E. Esiaja ahjud Eestis. — ENSV TAT. 30. k. Uhiskonnateadused. 1981, No 1.
8. Itkonen E., Joki A. J. Suomen kielen etymologinen sanakirja IV. — Lexica Societatis Fenno-Ugricae XII, 4. Helsinki, 1969.
9. Hähnel J. Die Stube. Wort- und sachgeschichtliche Beiträge zur historischen Hausforschung. — Münster, 1975.
10. Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg—Göttingen, 1965, Bd. 2.
11. Stenberger M. Vorgeschichte Schwedens. — Berlin, 1977.
12. LAR. — Rīgā: Zinātne, 1974.
13. Шмидехельм М. X. Археологические памятники периода разложения родового

строения на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э.—V в. н. э.). — Таллин: Эстонск. гос. изд-во, 1955.

14. Toivonen Y. H. Suomen kielen etymologinen sanakirja I. — Lexica Societatis Fenno-Ugricae XII, 1. Helsinki, 1955.
15. Manninen I. Die Sachkultur Estlands. — Õpetatud Eesti Seltsi Eritoiimetised II. Tartu, 1933, Bd. 2.
16. Būga K. Rinkiniai raštai. — V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1959, t. 2.
17. Zariņa A. Krāsnis Salaspils Laukskolas lībiešu 10.—13. gs. ciemu vietas. — AE, 1978, Nr. XII.
18. Станкевич Я. В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и в начале II тысячелетия н. э. — МИА, 1960, № 76.
19. Kulikauskas P. Nemencinés piliakalnis. — ILKI. V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1958, t. 1.
20. Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. — САИ, вып. E1-32. Л., 1975.
21. Viikuna K. Leivinuunin historia Suomessa... — Kalevalaseuran Vuosikirja 25—26. 1945—1946. Porvoo-Helsinki, 1946.
22. Viires A. Leivapäts ja pätsahi. — Keel ja Kirjandus, 1966, No 1.
23. Седов В. В. Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг. — КСИА, 1975, вып. 144.
24. Moora A. Eesti talurahva vanem toit. I osa. — Tallinn: Valgus, 1980.
25. Тыниссон Э. Некоторые итоги изучения древнеэстонского жилища. (По материалам городищ 11—13 вв.) — Изв. АН ЭССР, т. 29. Общественные науки, 1980, № 1.
26. Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956.
27. Буткявичюс И. Основные типы традиционного литовского крестьянского жилища. — В кн.: ТПОКЭ. М., 1959, т. 1.
28. Butkevicius I. Lietuvos valstiecių gyvenvietės ir sodybos. — ILKI. V., 1971, t. 6.
29. Feodalā Rīga. — Rīgā: Zinātne, 1978.
30. Viires A. Sõnaajaloolisi etüüde. — Emakeele Seltsi aastaraamat, 1972, No 18.
31. Ränk G. Die Bauernhausformen im baltischen Raum. — Marburger Ostforschungen. Würzburg, 1962, Bd. 17.
32. Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Чижикова Л. Н. Материальная культура русского сельского населения западных областей (во второй половине XIX—начале XX в.). — Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер. М., 1960, т. 17.
33. Равдоникас В. И. Старая Ладога. — СА, 1949, № 11.
34. Спегальский Ю. П. Жилище северо-западной Руси IX—XIII вв. — Л.: Наука, 1972.

ÜBER URSPRUNG DER OSTBALTISCHEN BAUERNHAUSTYPEN

E. Tõnisson

Zusammenfassung

Die Ethnographen teilen die ostbaltischen Bauernhäuser in drei Haupttypen auf: das Wohnhaus von Rauchstubentypus, das westliche Flurküchenhaus und die nördliche Riegenwohnung (Abb. 1). Die Unterschiede der Typen zeigen sich am deutlichsten in der Heizungs- und Kochenart (d. h. in den Herd- und Ofenformen) sowie in der Innenplanung (Abb. 2). Der Herausbildungsprozess dieser Typen ist bereits spätestens in der ersten Jahrhunderten des 2. Jahrtausends u. Z. zu verfolgen. Aus den archäologischen Funden geht hervor, dass es in dieser Zeit im Ostbaltikum Wohngebäude von zwei Grundformen gab. Die ältere, bis zur Steinzeit zurückreichende Grundform war das Herdhaus, die zweite vertrat die mit dem Ofen beheizte Stube, die sich im Laufe des 1. Jahrtausends u. Z. herausgebildet hatte. Der älteste Ofentypus war der Hitzsteinofen, der im nördlichen Teil des Ostbaltikums sowohl Anfang des 2. Jahrtausends als auch in den jüngeren Zeiten vorherrschte (Abb. 4). Im südlichen Teil des Baltikums verbreit-

тетен sich seit dem Ende des 1. Jahrtausends die Öfen mit Tongewölbe (Abb. 3), die als eine slawisch-baltische Gemeinsamerscheinung zu betrachten ist.

Der westliche Bauernhaustypus entwickelte sich in den Bezirken, wo die Traditionen des Herdhauses Anfang des 2. Jahrtausends (teils auch später) stärker waren. Der Typus bildete sich durch Zusammenschließen der mit dem Ofen heizbaren Stube und des Herdhauses heraus. Aus dem letzteren entstand die Küche (Flurküche). Die Daten der Archäologie und Sprachwissenschaft lassen die Vermutung zu, dass dieser Typus auch in Estland verbreitet war (Abb. 5), wobei er hier auf die Herausbildung der Riegenwohnung, besonders deren südostnordlettischen Variante, Einfluss ausübte. Der östliche Typus (Rauchstube) entwickelte sich dort, wo nach dem Aufkommen des Ofens der letztere zu einer Hauptstelle der Speisenzubereitung wurde. An die Stube schloss sich der unheizbare Vorraum an, über dessen Vorhandensein die Angaben schon aus dem Anfang des 2. Jahrtausends vorliegen (Abb. 6). Eine der zwei Hauptkomponenten der Riegenwohnung — die Riegenstube — entwickelte sich aus der frühzeitlichen Stube mit Hitzsteinofen. Diese Stube konnte als Getreidedarre — Riege — schon in den ersten Jahrhunderten des 2. Jahrtausends benutzt werden. Aber damals fehlte noch der den Ausmassen der zweiten Komponente, der Tenne, entsprechende Raum.

К ВОПРОСУ О ЛИТОВСКО-СЛАВЯНСКИХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ В ОБЛАСТИ ЖИВОТНОВОДСТВА (II половина XVI—XVIII в.)

Р. Меркене (Вильнюс)

Настоящая статья вкратце касается степени распространения в Литве и Белоруссии однотипных животноводческих построек, а также факторов, повлиявших на их возникновение. Основным материалом для изучения послужили описания на славянских языках в инвентарях имений и других юридических документах XVI—XVIII вв. около 600 построек этого периода, а вспомогательным — лингвистические и этнографические данные конца XIX—XX в.

Сопоставление инвентарей имений Литвы и Белоруссии позволяет утверждать, что во многих усадьбах было по 2—4 вида построек для помещения домашних животных. Сводные данные по этнографической Литве (Жемайтия, Тракайское и Виленское воеводства) и Белоруссии (Брестское, Минское, Новогрудское и Полоцкое воеводства) свидетельствуют, что на всей этой территории было множество однотипных построек, т. е. таких, которые в документах указаны под одним названием. В некоторых случаях, когда писарь не знал, к какой категории отнести постройку и хотел подчеркнуть ее локальные свойства, он прибегал к местным названиям или указывал общую категорию и местное название.

В XVI в. для Литвы наиболее характерными были *стайни* и *оборы*, для Белоруссии — *хлева* и те же *стайни*. Приблизительно одинаково распространены *стаенка*, жилая отапливаемая постройка, *одрина-пуня* и отдельная постройка для кормления и доения.

Анализ планировки показывает, что на всей территории наиболее близкими типологически были те постройки, которые в XVI в. и в последующем времени в имениях постепенно выходили из употреб-

ления и лишь в мелких крестьянских хозяйствах строились вплоть до XX в.

В XVI—XVIII вв. на грани функциональной дифференциации были *пуня* и *одрина* — постройки для хранения фуража (сена, яровых, соломы, мякны и т. п.) [1, с. 411; 512, 515, 619; 2, с. 14, 33, 81, 109, 116, 157, 217, 270, 445; 3, р. 49] и для содержания домашних животных [3, р. 49; 4, р. 18, 132, 200; 5, с. 77, 331; 6, с. 63, 185, 186, 485]. Бифункциональность объясняется уровнем животноводства, не доросшего до самостоятельной отрасли со специализированным инвентарем. Пуня и одрина — постройки однокамерные, практически мало отличающиеся, иногда даже воспринимаемые как тождественные помещения (в инвентаре 1563.06.24 имения Панявежис указано: „Пуни або одрыны старых три“) [7, с. 77]. Они существовали параллельно на всей территории. Слово *пуня* в польском, белорусском, русском языках обозначает разные хозяйственные помещения: ‘постройка для сена’, в русском языке — ‘отдельный чулан, плетневая клеть’, в польском и белорусском — ‘возовня’. Интерес вызывают идентичные значения лексемы *пуня* в литовском и славянских языках: ‘гумно’, или одно из гуменных помещений — ‘мякинник’, и ‘хлев’ [8, с. 538; 9, с. 407; 10, р. 152; 11, р. 187, 193]. А. Сабалюскас, который дал исчерпывающий обзор этимологии слова *пуня*, сделал вывод, что многообразие значений этого слова на литовском языке является довольно веским аргументом его балтского происхождения, но считал это предположение окончательно не доказанным. По мнению большинства лингвистов, балтское происхождение лексемы *пуня* не вызывает сомнений [9, с. 407; 10, р. 152; 11, р. 187, 192; 12, р. 44]. На той территории Литвы, где в XVI в. зафиксирована *пуня* в значении ‘хлев’, *хлев* под этим же названием существует и в XX в. [13, *Žem.* 13]. На довольно далеком расстоянии от этого региона в Белоруссии, в восточной части Минской и Гомельской областей имеется ареал *пуни* со значением ‘овечий *хлев*’ [14, карта 231]. По данным Л. А. Молчановой, в Гомельской обл. так же называли постройку для крупного рогатого скота [15, с. 79]. Все это наводит на мысль, что *пуня* является реликтом более древнего балтского пласта, когда-то охватывавшего гораздо большую территорию.

В XVI в. и позже ареал *пуни* постепенно распался в связи с локальной дифференциацией функций древних построек. В этот период в пунях имений Литвы и Белоруссии можно найти много общего. Наиболее полное описание пуней — в инвентаре 1619.11.5 имения Шяуленай (повет Видукле). Из этого описания явствует, что их планировка была разнovidной [16, р. 86]. Одна постройка напоминает крестьянские гумна конца XIX—начала XX в. Их И. Буткявичюс относил к аукштайтскому типу. Его отличительными чертами являлись входы с концов, в середине расположенный ток и с его сторон — засеки [17, р. 248, 249, раv. 17; 18, р. 193]. По мнению И. Минкявичюса, в XVIII—XIX вв. такие гумна были характерны для имений Аукштайтии, однако их составной частью являлась сушильня [19, р. 90, раv. 14; р. 91, 94, раv. 20; р. 92]. О процессе дифференциации *пуни* на специализированные гуменные постройки